Произведения лауреатов и дипломантов Пятого открытого литературного конкурса имени Всеволода Остена - Номинация «Поэзия»

Номинация «Поэзия» 2026

Первое место (золото) и звание лауреата:
Сухарёва Людмила Николаевна (персональный номер участника - 694)

Второе место (серебро) и звание лауреата:
Преснякова Наталья Ивановна (533)

Третье место (бронза) и звание лауреата:
Ника Батхен (631)

Звание дипломанта конкурса:
Козловцева Ольга Васильевна (531)
Мягкова Евгения Владимировна (581)
Ожгибесова Ольга Адольфовна (Ольга Ожгибесова) (787)
Золотухин Кирилл Витальевич (587)
Нурдинов Альберт Рашидович (786)
Черных Мария Владиславовна (790)
Фёдоров Сергей Владимирович (580)
Бондарева Мария Яковлевна (859)
Хатюшин Валерий Васильевич (526)
Лизунов Александр Васильевич (613)
Маркиянов Андрей Александрович (634)

Сухарёва Людмила Николаевна – родилась в Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края. Окончила Барнаульское медицинское училище и Алтайский государственный университет. Биолог. Работала в детской больнице и медицинском колледже. Соавтор нескольких тематических литературных сборников. Многократный победитель и призёр всероссийских и международных творческих конкурсов и фестивалей. Награждена знаком администрации города Барнаула «За вклад в развитие литературы». Ветеран труда Алтайского края. Живёт в Барнауле.

Доноры

Над Площадью Солнца парит белокрылая замять,
кружит, заглушая витражных картин разноцветье.

…Чем дальше война, тем всё чаще жестокая память
уносит в кровавые, страшные дни лихолетья.

Концлагерь…
Мы, доноры крови на «фабрике смерти»,
в обманчивых снах подлетая к черте невозврата,
как будто бы слышим:
– Мариночка…
– Настенька…
– Петя…
Последнее эхо.
Так мамы нас звали когда-то.

В далёкий, неведомый край безвозвратно уносим
безоблачный мир, где так сладко мечтать и смеяться.
Нам с Варей – по десять,
Арише и Стёпе – по восемь,

Наташе, мне помнится, было неполных двенадцать.

У краснобережского* лагеря яркие краски:
цвет крови,
цвет яблонь весенних,
цвет огненных вспышек.
Вокруг – крысоловы из старой пугающей сказки.
И темень сарая.
И свет с наблюдательных вышек.

Я помню чудовищный голод и страх ожиданья,
озноб от тревожных предчувствий, что жизнь – на излёте,
сухих, обескровленных губ восковое молчанье,
ведущую нас в кабинет незнакомую тётю.

Тяжёлое бремя – приняв роковое наследство,
нести эту память по скользким дорогам столетий,
мучительно грезить, как в послевоенное детство
вернутся и сядут за парты счастливые дети.

Но парты притихшие жертвенным пеплом покрыты –
холодные годы безвременья канули в Лету.

…Я молча стою, положив на гранитные плиты
живые цветы,
мандарины,
игрушки,
конфеты.

* *«Красный Берег» – в 1943-44 годах – детский донорско-пересыльный концлагерь в Белоруссии, с 2007 года – мемориальный комплекс детям-жертвам Великой Отечественной войны*

Непокорённый человек*

В горниле ада он восстал из пепла –
Из мутной пены огненной реки.
Как дальше жить, когда душа ослепла
от ужаса, от горя и тоски?!

Источник жизни прерванного рода
в мгновенье обратился в чёрный прах.
Вся скорбь многострадального народа,
вся боль его – в невидящих глазах,
смотрящих в вечность.

То, что было прежде,
исчезло, растворившись в серой мгле.
Последней искрой вспыхнула надежда:

ребёнок шевельнулся на земле...

– Ты жив, сынок? Взгляни: умчалось лихо.
Открой глаза. Услышь меня. Услышь…
– Как страшно, папа, – жалостно и тихо
с последним вздохом вымолвил малыш.

Убитый сын подстреленною птицей
навеки замер на руках отца.
За ним – ладони маленьких хатынцев
протягивают вам свои сердца:

Смотрите же! Во все глаза смотрите!
Увиденное помните всегда,
и больше никогда не повторите
трагедию Хатыни. Никогда!

«Непокорённый человек» – центральная бронзовая скульптура мемориального комплекса «Хатынь» в Беларуси*

Пощёчина по совести

Не по статьям в газетах знаю правду я:
разрывы бомб, зловещий посвист пуль –
суть нынешнего дня.
И мы, досадуя
на огненный, безжалостный июль,
летим сквозь дым туда,
где под завалами,
где в комьях развороченной земли,
где между погребами и подвалами
остались те, кто скрыться не смогли.

Сухой донбасский ветер хлещет скорую.
Гора руин, похожая на дом.
Несём носилки с девочкой, которую
едва ли до больницы довезём.
«Dum spiro, spero» , –
гоним прочь сомнения,
из кожи лезем, только б поддержать
короткой жизни слабое биение,
застывшую столпом от горя мать.

Сорвав покров с расчётливой политики,
сметая ложь и пафос, без прикрас
и без патриотической пиитики
вещает время, выбравшее нас.
И пусть звучит в людском многоголосии

пощёчиной по совести людей
предсмертный вздох ребёнка Новороссии
на фоне всех военных новостей.

«Пока дышу – надеюсь» (лат.)

Преснякова Наталья Ивановна - родилась 5 октября в посёлке Московское Шахтёрского района Донецкой области. В дошкольном возрасте переехала в Брянскую область, в г. Клинцы. Окончила Клинцовское медицинское училище, работала в медучреждениях городов Клинцы, Новозыбкова и Трубчевска, где и началась её активная творческая жизнь. Поэт – автор нескольких поэтических сборников. Постоянный участник и неоднократный победитель многих литературных конкурсов. Член литературного объединения при Брянском СПР. Живает в г. Трубчевске Брянской области.

Где-то под Курском

В храме разрушенном, где-то под Курском
Свечи трещат на морозе слегка.
Здесь не проводят, ни служб, ни экскурсий,
Здесь тишина Приграничья хрупка.

Лики святых обгоревшего храма
Смотрят с укором на груды камней.
За пепелищем – боёв панорама
Вот уже сколько загубленных дней...

Два паренька в маскхалатах и шлемах
Вдруг разыскали с десяток свечей.
В редком затишьи нашлось всё же время,
Чтоб помянуть убиенных друзей.

Их позывные слетали с молитвой
С губ, опаленных проклятой войной.
Каждое имя – по сердцу как бритвой,
Будто опять окунулись в тот бой...

Воском горячим стекая в ладони,
Плакали свечи, казалось Господь
С каждым порой неумелым поклоном
Смотрит на землю с небесных высот.

Два паренька, два бойца, два солдата
Скорбно стояли средь древних икон.
Эхом гремели разгневанным «Грады»,
Словно гремели словам в унисон.

В храме разрушенном, где-то под Курском,
Где так давно не звучал Благовест,
В стертом войною селении русском
Ветер молитву разносит окрест.

Боец из Рязани...

Он стоял на коленях пред Вечным огнём,
С инвалидной коляской на время расставшись,
На коленях стоял под весенним дождём,
Как живой обелиск целой роте пропавших...

То ли дождь, то ли слёзы текли по лицу,
И скатившись, блестели в наградах солдата.
Но притихла толпа, позволяя бойцу
Возложить два тюльпана из старого сада.

Обнимая продрогшей рукою гранит,
Он ребят позывные шептал из десанта...
На промозглом ветру голос тихий дрожит,
Выдавая ту боль, что внутри у сержанта.

А ему только двадцать годочков ещё,
За плечами два года войны и пожарищ.
Он в походной церквушке когда-то крещён,
В редкий день тишины средь бесо'вских ристалищ.

Где-то там, далеко, он оставил друзей –
На сгоревшей траве кровь ещё не остыла...
Но внезапно в груди стала боль чуть острей,
Словно пуля смертельная вновь поразила.

Он пытался привстать, за коляску держась,
Не стыдясь ни седин молодых, ни увечий.
За плечами солдата и Курск, и Донбасс,
И друзья, что погублены варварской сечей.

Вдруг холодный закончился дождь проливной...
Словно выплакал слёзы свои на прощанье.
Тишина затаилась над праздной толпой,
Удивляясь отваге бойца из Рязани.

По аллее он вдаль уезжал и шептал:
«Вы простите, братки, что один только выжил...»
И петлял он в коляске меж луж как зеркал,
Как когда-то в бою среди огненных вспышек.

Простая медсестра

Она была простою медсестрой...
Таких наверно сотни в медицине.
В больнице за рабочей суетой
Готовых с головой уйти в пучину.

Она совсем девчонка, двадцать лет,
Амбициозна, но с горячим сердцем.
Когда войной окрасился рассвет,
Надела сразу камуфляж и берцы.

Из боя приходилось выносить

Солдатиков, что ей в отцы годились.
От вида смерти так хотелось выть...
Когда казалось и Господь бессилен.

Но хрупкая девчонка каждый раз,
Превозмогая дикую усталость,
Спасала и пехоту, и спецназ,
Хоть в помощи подчас сама нуждалась.

Она не знала даже выходных,
Бывает часто на войне такое.
Но если бой внезапно чуть утих,
Мечтала полчаса побыть в покое.

Она была простою медсестрой,
И не ходила даже в рукопашный.
Обычная девчонка, но герой...
Навек осталась там, в бою вчерашнем...

Ника Батхен – родилась 28 сентября в Ленинграде. Окончила Литературный институт имени Горького. Литературный работник широкого профиля (поэт, писатель, рерайтер, журналист, редактор, литкритик) – так определяет свой литературный профиль сама Ника.

Член ИСП, Союза Литераторов России, Южнорусского Союза Писателей. Публиковалась в литературных журналах России. Живёт в Москве.

Ветераны

Быть водилой – судьба не для слабых:
Фуры-дуры, поземка, метель,
Путевые случайные бабы,
Нежилой придорожный мотель.
Ни квартиры, ни дачи, ни псины,
Ни друзей, ни детей, ни жены.
Просто небом его просквозило,
Просто он не вернулся с войны...

Дальнобой не слетает с орбиты,
Дальнобоя не жалит тоска.
По ночам он кричал как убитый
И соседей до дрожи пугал.
Снились взрывы, прилеты и мины,
Петли плена, накаты весны.
Жизнь летела на скорости мимо –
Просто он не вернулся с войны...

На суде не вникали в детали –
Шел, увидел, ударил с локтя.
Всех, простите, мигранты достали,
Все страну обустроить хотят!
…Оборзели, полезли с ножами –
И остались лежать у стены…
Нет, бандиты ему не мешали –
Просто он не вернулся с войны.

С приднестровской, афганской, чеченской,
Мировой без порядковых дат.
Дрался насмерть, угрюмо и честно,
Поступал как хороший солдат.
Не носил боевые награды –
Слишком яркие, слишком видны.
Улыбался: простите, ребята –
Я еще не вернулся с войны.

Папина колыбельная

Снег засыпает крыши,
Парки, куранты, горки.
Папа вернется, Гриша,
Папа ушел за ёлкой!

Скроем окно гардиной,
Сунем в комод капризы,
Сядем с тобой в гостиной,
Будем читать «Алису».

Будем считать салюты,
Будем крошить салаты.
Ветер сегодня лютый,
Как там под ним солдаты?

Снег засыпает ямы,
Снег заживляет раны.
Плачут на кухнях мамы.
Мчат над землёй бураны.

Бьется огонь в печурке,
Корку хомячат мыши…
Папа вернется чудом.
Папа за елкой вышел.

Военная песня

Где-то около Бреста
Вдруг вошла к нам в вагон
Невеселая песня
Военных времён
(с) А. Дементьев

Было в вагоне душно и тесно.
Шла по вагону военная песня.
Шла тяжело, костылями скрипела,
Старым баяном надрывно хрипела.
Пела о том, как в атаку ходили.
А пассажиры глаза отводили,
Прятали лица в пестрых смартфонах,
Пятна считали на стеклах оконных.
– Снова повесточка – стыдно, неловко.
– Может быть высадят на остановке.
– Вышла из моды и обветшала.
Песня хрипела и ехать мешала:
– Горловка, Марьинка, Малая Локня!
Слушайте, ну, пока сердце не лопнет.
Слушайте колокол, встаньте, поймите!!!
…Тише, гражданочка, здесь вам не митинг.
Поезд летел. Пассажиры сменялись.
Плакали женщины. Дети смеялись.
Долг отдавая живым и покойным,
Старая песня шла по вагонам.

Козловцева Ольга Васильевна – родилась 2 мая в городе Ряжске Рязанской области. Окончила Ряжский дорожный техникум. Поэт и прозаик. Автор семи литературных сборников. Член СПР. Многкратный победитель известных литературных конкрсов России. Бесменный руководитель литературного объединения «Вдохновение» при районной газете «Ряжские вести». Живёт в Ряжске.

Трава забвенья

Их имена на обелиске
Навек застыли серебром.
Бойцы, проделав путь неблизкий,
Вновь собрались в селе родном.
И в час, когда лучи заката
Скользят прощально по холмам,
С гранитных стел сойдут солдаты
И побредут к своим домам.
Скрипят, качаются ворота,
Как птицы черное крыло –
С войны вернувшуюся роту
Встречает мертвое село.
На избах крыши покосились,
В колодцах высохла вода,
Годами травы не косились,
Кругом глухая лебеда.
И косы, словно автоматы,
Сжимая в жилистых руках,
В бой за село пошли солдаты,
Чтоб жить и жить ему в веках.
И до того, как за пригорком
Проснулся первый луч зари,
В потертых серых гимнастерках
Сражались яростно и стойко
С травой забвенья косари.

Величавые ели

На улице русской деревни,
Где ели построились в ряд,
Лежат неподвижные тени
С войны не пришедших солдат.
Помянем их всех поименно,
Погибших за землю свою:
Ивана, Захара, Семена,
Степана, Макара, Илью...
Как много из этой деревни
Ушло воевать мужиков!
В честь павших героев деревья
Растут у солдатских дворов.
И там даже, где уцелели
Всего лишь столбы от плетня,
Стоят величавые ели,
Священную доблесть храня.
И светятся ели, как свечи,
Ветвями касаясь луны.
Пусть помнит вселенная вечно
Солдат, не пришедших с войны.

Баба Вера

Алексею Толстикову – позывной «Барс»

Над херсонским городом Алешки
Беспилотник яростно ревет,
А боец с рязанщины Алешка
На соседский смотрит огород.
Там козу хромую баба Вера
Привязала с самого утра
И теперь ее толкает нервно,
Увести пытаясь со двора.
Хищной птицей беспилотник кружит,
Он своей добыче смерть несет.
– Баба Вера, поскорее, ну же!
Прячься!.. не успела… взрыв! – и все..
И глядит, глазам своим не веря,
На воронку чёрную солдат:
– Как же так случилось, баба Вера?
Не помог... прости... я виноват...

Помню, как стояла ты у двери
С двухлитровой банкой молока:
– Я соседка ваша, баба Вера,
Угощайтесь, теплое пока.
И потом по-свойски улыбнулась,
А бойцы в сомнении – война.
Успокоил командир:
– Да ну вас,
Не отравит, русская она.
И пустили банку мы по кругу,
Неуклюже морщили носы,
Хохотали, глядя друг на друга,
Вытирая белые усы...
А теперь кого нам ждать к обеду?
Для кого нам собирать траву?..
Эх, дожить бы только до победы,
Будет дочка – Верой назову.

Мягкова Евгения Владимировна – родилась 25 ноября на станция Байка Ртищевского района Саратовской области.

Окончила Саратовский университет (филфак) и Пензенский пединститут (ин. яз.). Поэт и прозаик. Имеет звание «Отличник просвещения Российской Федерации». Автор более двух десатков сборников поэзии и прозы. Лауреат нескольких литературных премий.

Живёт в г. Сердобск Пензенской области.

Память

В концлагере «Освенцим» убивали
детей для генетических опытов, а у
молодых девушек брали донорскую
кровь без остатка для немецких солдат.

Память, словно молния, осветит
Позабытую людьми беду...
Нынче мне представился Освенцим –
Я в колонне узников иду.

Я – уже другое поколенье,
Но меня гнетёт всё та же боль.
Так же приклоняю я колена
Перед чувством истинным – любовь.

Так же и рассудок свой теряю,
Словно я вживую вижу их,
Девушек, не ставших матерями
Не рождённых сверстников моих.

Вот они теснятся на повозке,
Жалок полосатый их наряд,
Но бровей упрямые полоски

Под платками птицами парят.

Даже в этой страшной преисподней
Посветлели у мужчин глаза.
«Нам, дружище, повезло сегодня!» –
Тихо узник узнику сказал.

Молчаливо улыбнулся третий,
Девушкам метнув в подарок хлеб.
И, наверно, каждый вдруг заметил –
Жить покуда стоит на земле...

А когда под вечер кругом плоским
Встало солнце на земной меже,
Возвращалась прежняя повозка,
Но без прежних девушек уже.

Под брезентом что-то глухо билось
О её дощатые бока,
И один из самых любопытных
Край брезента приподнял слегка...

Сколько раз об этом слышать надо,
Чтоб свершить над теми правый суд?!
Знайте, люди: это в жерло ада
Девушек истерзанных везут.

Смятые, бесформенные трупы:
Ни костей, ни мускулов тугих...
Не осатанело и не грубо –
Аккуратно убивали их!

В белых, накрахмаленных халатах
Нелюди с дипломами врача,
Что давали клятву Гиппократа.
Кровь людская, как ты горяча!

Капелька за каплей утекает,
И по капле убывает жизнь...
И покуда льётся кровь людская,
Проклинаю всяческий фашизм!

Столько было боли!

Всем стараньям дьявола иль чёрта,
Всем врагам и всем смертям назло,
Из-под трупов вылезла девчонка –
Ей одной из сотен повезло.

Повезло ли? Или мать хотела
Уберечь любимую от пуль,
Заслонив малышку мёртвым телом,
Падая на землю, словно куль.

Повезло ли? Разгребать руками
Ей полуметровый слой земли,
Тело отвердевшее, как камень,
Ото сна очнувшись, отвалить.

Помнила, что солнце есть и небо,
А под ними есть и жизнь, и кров.
И найдётся в нём хоть корка хлеба
И хоть чья-то верная любовь.

И вода из мелководной речки,
Чтобы смыть набившуюся грязь,
И тепло от неостывшей печки,
В чугуне разваренный карась.

Что она, восставшая из мёртвых,
Девочка, увидела вокруг?!
Как на километры распростёртый
Оголился горизонтный круг.

Ни домов и ни сараев даже,
Где вчера кричали петухи.
Только печки, чёрные от сажи,
Сиротливо зябли вдоль реки.

Только по ветле у этой речки,
Где всегда плескалась детвора,
Девочка нашла родную печку
И останки отчего двора.

И за то обугленной спасибо,
Что со дна пустого чугуна
Соскребла распавшуюся рыбу
Девочка, на восемь вёрст одна.

Только соли, столько было соли,
Что слезой не изошла, кажись!
Только боли, столько было боли,
Что хватило женщине на жизнь!

Ожгибесова Ольга Адольфовна (Ольга Ожгибесова) – родилась в Свердловске, окончила философский ф-т УрГу. Жила и работала в Тюмени: преподаватель, журналист, редактор. Неоднократный победитель и дипломант Всероссийских и международных литературных конкурсов. Поэт и прозаик. Автор пятнадцати книг стихов и прозы. Член СПР. Живёт в селе Верзилово Ступинского района Московской области.

Русский код

Нет больше той любви,
аще кто положит душу свою
за други своя
(Иоанн. 15: 13)

Солдат с войны пришел домой:
На десять дней и плюс дорога.
С перебинтованной рукой,
Зато живой – и слава Богу.

Кружила мать вокруг стола:
Вот холодец, а вот – салатик.
И в рюмку водки налила:
Что ж, выпьем за тебя, солдатик.

Без громких фраз и лишних слов…
Приехал – не сказать, как рада!
Да был бы ты, сынок, здоров! –
Мне больше ничего не надо.

А сын молчал и ел, и пил…
Но показалось почему-то,
Что все-таки не с нами был
Он в эту тихую минуту.

Вишнево-розовый закат
В квадрате плавился оконном,
И плыл цветочный аромат
Над Подмосковьем полусонным.

Упала ранняя роса,
Прохладой окропив ромашки.
И проверяли голоса
В кустах невидимые пташки.

Тут шла совсем другая жизнь.
И было вроде бы неловко
Пытать его: ну, расскажи,
Что там сегодня, под Каховкой?

Мы здесь живем уже давно
В каком-то параллельном мире.
Для нас война… Ну, так… Кино…
Ночные новости в эфире.

Там – смерть и кровь, и страх, и боль.
У нас – звучит, конечно, дико! –
На солнце тянется фасоль
И зреет первая клубника…

А мать – как курица над ним:
– Тебе бы в госпиталь, Антоша!
– Нет, мама, я назад, к своим.
И повторил: своих не брошу.

Поймут ли те когда-нибудь,
Кто до сих пор не понимает?!
Вот в этой фразе – наша суть:
Своих Россия не бросает.

Вот этот код у нас в крови:
Не ждать награды за заслуги,
Поскольку больше нет любви,
Чем душу положить за други.

Полковник

Памяти В.Е.

Жизнь – как снимок моментальный,
А цена ей – хлеба крохи...
На подушке госпитальной –
Восковой холодный профиль.

Не мигают мониторы,
Смолкли капельниц капели.
И затихли разговоры
Медсестер вокруг постели.

Не поднимется покойник...
Льется смертная истома.
Ну, зачем же вы, полковник?!
Что ж вам не сиделось дома?

Славы, орденов, медалей? –
Ну, чего вам не хватало?!
Вы ж свое отвоевали
На кавказских перевалах.

Вам теперь – хозяйство, внуки…
Что ж опять – виском на дуло?
Или, может быть, от скуки
На войну вас потянуло?

Синева сковала губы,
И лицо – белее ваты...
Нет, он не ответит грубо,
Не пошлет подальше матом.

Стал как будто меньше ростом...
А когда-то – парень бравый.
Был бы жив, сказал бы просто:
Мол, обидно за державу.

За деревни и дороги,
За поля в объятьях леса,
За днепровские пороги,
За Херсон и за Одессу.

За могилы наших дедов,
За мальчишек Краснодона.
Так обидно за Победу
И за русские знамена!

Был бы жив... Но утром ранним

Он ушел. Так было нужно.
Распускаются «герани»
Под Купянском и под Суджей.

За опорником – опорник...
Сколь веревочке не виться...
Значит, можете, полковник,
Вы на наших положиться.

Если надо, из окопов
Встанут воинами света
И поднимут над Европой
Знамя вечное Победы.

Золотухин Кирилл Витальевич – родился в 1990 году в Ростове-на-Дону. Окончил финансовый факультет РГЭУ (РИНХ). Выпускник школ литературного мастерства СПР (Всероссийской школы «Химки», Школы имени И.Ф. Вараввы). Победитель литературных конкурсов 2025-2026 г.г. (Смоленск, Тольятти). Живёт в Ростове-на-Дону.

* * *

Повесткой омрачился дом.
Она молила и держала
за руки до царапин алых,
до прядей, ставших серебром.

Он улыбался ей в ответ,
как треснувшая тенью фреска.
И запах корвалола резкий
мешался с дымом сигарет.

А после – только тишина:
она сидит у телефона,
в руке – истёртая икона.
Войны была ещё весна.

* * *

В квартире напротив, где раньше жила швея
(все знали её по привычке держать булавки
в углу пересохшего, сжатого плотно рта),
теперь поселилась тишина. И стоят у лавки
соседки, похожие на нахохленных зимних птиц.
Они говорят о ценах, о ЖКХ, о внуках.
Но если вглядеться в пергамент усталых лиц –
там каждый морщиной прописан закон разлуки.
Война не заходит с парадного, в орденах.
Она проступает, как плесень в сыром углу:
в дешевых, казенных, негнущихся простынях,
в звонке, что разрежет полночную полумглу.
Она – в дефиците деталей для «Жигулей»,
в манере курить, прикрывая огонь ладонью.
И в том, как старик, выходя покормить голубей,
глядит не на птиц, а на небо – с тупой болью.
Здесь мир еще держится – на честном слове, на скотче,
на старых запасах гречки и валидола.
Но воздух уже стал плотнее, уже короче
дыхание дня. И слышно, как сходит с пола
линолеум, вздувшийся веной. И дом дрожит,
когда за рекой начинается «гром» по расписанию.
Мы просто живем. Мы учимся дальше жить,
пришив эту жизнь к своему, как лоскут, сознанию.

* * *

Не чернозём, а слоёный пирог из железа,
из пуговиц, пряжек, истлевших петлиц.
Здесь ангел истории, кажется, крылья порезал
о кромку обугленных, слипшихся пеплом страниц.
Мы вызубрим даты, но память – не в цифрах учебных,
а в оттиске ржавчины: красит ладонь,
когда поднимаешь осколок из глины и щебня,
хранящий внутри, как консервы, огонь.
И степь зарастает полынью, горчит на изломе,
скрывая под дёрном беззвучно гремящий набат.
И небо стоит в перекрестье в оконном проёме,
как вечный, никем не сменённый солдат.

* * *

Война – это быт. Это грязный, тяжелый труд:
стирать носки в ледяной, ржавой воде,
знать наизусть, где «лепестки» цветут
в высокой, пожухлой, ничейной уже траве.
А там, за лентой, в кофейнях шумит народ,
выбирает обои, ругает цены на газ.
Они не знают, как пахнет прокисший пот,
когда ты в «броне» третьи сутки не смыкал глаз.
Но если Бог и спускается в этот ад,
то он не в лучах, а в бушлате, в грязи, в пыли.
Сидит с тобой рядом, курит твой самосад,
и держит небо, чтоб мы его подожгли.

* * *

А утром трамвай выходит на свой маршрут,
и бабка везет рассаду (война войной).
И если нас здесь, по итогу, не перетрут,
то только потому, что мы стали самой страной,
суглинком, щебнем, пылью на сапогах.
Нас нельзя отменить, мы – ландшафт, мы – фон.
…И ангел в пятнистых, выцветших штанах
ставит на беззвучный режим телефон.

Нурдинов Альберт Рашидович – родился в 1965 году в городе Свердловск (ныне Екатеринбург). Окончил Уральский Политехнический Институт (УПИ). Инженер – механик. Печатался в коллективных сборниках и альманахах. Победитель и дипломант нескольких десятков международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов, в том числе: Межрегионального конкурса «Ты сердца не жалей, поэт» (2021, 2022 – серебро), конкурса им. Всеволода Остена (2021 – 2025 серебро и золото), конкурса им. Константина Бадигина (2022, 2023 – 2 место). Живёт в Екатеринбурге.

Баллада о сталинградских зенитчицах

Девушкам-бойцам 1077-го полка зенитной артиллерии,
23 августа 1942 года вставшим на пути прорвавшихся
к Сталинграду немецких танков, посвящается...

Случилось это на исходе лета
Второго года страшной той войны.

Колонны танков траурного цвета
Стремились к Волге, яростью полны.
Подвергся город сильным разрушеньям
(Налёты продолжались без конца),
Но принял гарнизон его решенье
Сражаться до последнего бойца
И зло копал окопы и траншеи.
…У сталинградских северных границ
Стояли три зенитных батареи
С бойцами из вчерашних учениц.
Они по комсомольским направленьям
Пришли из школьных классов на войну,
Влекомые отчаянным стремленьем
Спасти от горькой участи страну
И город свой, любимый ими очень,
Простёршийся вдоль волжских берегов,
Который беспрерывно кровоточил
Под бомбами безжалостных врагов.
…Фашисты день за днём атаковали –
Бойцы с трудом держали их напор.
Тем летним утром немцы фронт прорвали,
И стаи танков вышли на простор.
Захватчикам не терпится скорее
Ворваться в город (вот он – в двух шагах!),
А преграждают путь лишь батареи
С девчонками в солдатских сапогах.
Дрожала степь. Вгрызались в землю траки,
Безжалостно её терзая твердь,
И танки, развернувшись для атаки,
На город шли, неся с собою смерть.
Тянулась пыль за ними полосами...
Застыв на месте словно в столбняке,
Зенитчицы огромными глазами
Смотрели на чудовищ вдалеке.
Двенадцать пушек без щитов из стали*
И сотня необстрелянных девчат –
Теперь они лишь противостояли
Двум сотням танков, тысячам солдат,
В огне сражений многих закалённых,
Не знавших поражений и преград.
А позади девчат был опалённый,
Но всё же непокорный Сталинград.
За спинами зенитчиц были Волга,
Дома родных – руины во дворах...
И ненависть к врагу и чувство долга
В их душах победили жуткий страх!
Девчонки, вверив жизни высшим судьям,
Промеж собой простились на бегу;
И вот уже развёрнуты орудья
Навстречу наползавшему врагу.
Пришлось постичь девчушкам поневоле
Секрет противотанковой стрельбы, –

И первый танк застыл на взрытом поле,
Извергнув к небу дымные клубы!
…Спускалось солнце к линии заката,
Ложилась тень на травы и кусты.
А над землёй парил орёл крылатый,
Бесстрастно наблюдая с высоты,
Как девушки несли без перерыва
Тяжёлые снаряды из лотков,
Как пушки наводили торопливо
И с криком «Пли!» стреляли во врагов.
Горели танки, воздух отравляли
Угарным смрадом. Позабыв про страх,
Зенитчицы стреляли и стреляли
В чудовищ с камуфляжем на бортах!
Разрывы накрывали батареи,
Окутывал их чёрный едкий дым;
Девчонки с ног валились, но быстрее
Бежали вновь к орудиям своим.
И грозно голос пушки подавали,
Лишь улучшалась видимость опять,
Ведь вместо павших сразу же вставали
К зениткам те, кто мог ещё стоять.
А танки, подойдя на выстрел верный,
Обрушили на них снарядов град, –
И вскоре весь плацдарм трёхбатарейный
Был превращён в один кромешный ад!
…Умолк огонь последней батареи.
Все до одной девчонки полегли…
Но и фашисты, понеся потери,
В тот день идти на город не смогли.
И эти сутки штурма промедленья,
Оплаченные жизнями девчат,
Позволили подбросить подкрепленья
И отстоять родной их Сталинград!
…Прошли года. Над Волгой солнце светит.
Отстроен город – гордость всей страны.
В его дворах весь день резвятся дети,
Не знающие ужасов войны.
По улице Зенитчиков, так звонко
Изящными сапожками стуча,
Шагает беззаботная девчонка –
Ровесница тех доблестных девчат.
Уже давно не слышен грохот пушек
И ясен небосвод над головой,
Но люди будут помнить тех девчушек,
Собою заслонивших город свой!

** Зенитное орудие не предназначено для стрельбы прямой наводкой, оно не имеет стального щита, который защищает орудийный расчет от поражения пулями и осколками*

Черных Мария Владиславовна – родилась 1 апреля в п. Светлый Марийской АССР. Образование высшее профессиональное, спциальность экономика и управление на предприятии. Окончила МарГУ. Поэт. Исполнитель. Участник и победитель литературных конкурсов. Волонтёр, член Всесоюзной организации «Добро.РФ». Живёт в г. Йошкар-Ола, Марий Эл.

Поэтическая подборка «Мы навеки остались здесь…»

*** * ***

Мы навеки остались здесь:
Под холодной сырой землёй,
Без медалей и почестей без,

Перемолотые бронёй.
Шли вперёд монолитной стеной
И несли свой тяжёлый крест.
Раздавались за нашей спиной
Слёзы жён, матерей, невест.
Мы слились с пулемётным огнём,
Грудью приняли мы свинец ,
Мы под танки бросались живьём ,
Вынимали штыки из сердец.
По приказу «Ни шагу назад!»,
А по совести «Насмерть стоять!»,
Каждый был чей-то сын или брат,
И никто не хотел умирать.
Наша кровь до грунтовых вод
Просочилась сквозь слой земли,
А теперь здесь который год
Над цветами жужжат шмели.
В диких маках наш вечный сон,
Наша память, победный марш.
Снова слышится детский стон
Снова слышится женский плач
Снова топчет чужой сапог
Наш обширный цветущий луг
Объясни нам всесильный Бог
Ты жесток или близорук?
Как ты можешь позволить им
Воздух в грудь набирать сполна?
Как под пристальным взором твоим
Вновь проникла сюда война?
Нет ответа. Краснеет мак.
И всё также жужжат шмели.
Мак на поле – пурпурный стяг
Развевающийся вдали.
Наши внуки теперь стеной
Поднялись за свою страну.
Помоги нам найти покой,
Отведи от детей беду,
Сохрани этот бренный мир,
Защити от потерь и ран.
Не зови вороньё на пир,
Не тревожь позабытый курган.
И разверзнется небо пусть
И прольётся всесильный свет
Выйдут реки пускай из русл
Жизнь пусть их не покинет, нет!

* * *

Бульвар затянут кальянным дымом,
Шумит осенний субботний вечер.
Снимая скуку вином любимым,
Ты ждёшь случайной удачной встречи.

А где-то там за семью холмами
Застыла ночь как оскал волчицы.
И остаётся им лишь молиться,
Чтоб мины не было под ногами.

Горят рекламные заголовки,
Пакет с озона битком набитый.
Богатый ужин остыл в духовке
Не хочешь есть, потому что сытый.

А где-то банка дряной тушёнки
Заполнит дыры пустых желудков.
Вода в ботинках вторые сутки
И прогорела в свече картонка.

Экраны светят как солнце в полдень.
Наш век, конечно же, скоротечен...
На пост «земляк не вернулся с боя»
Ты ставишь маленькое сердечко...

А где-то там на кон ставят жизни,
Играют честно или не очень.
Под взором долгой застывшей ночи
Исхода ждут, крепко зубы стиснув.

Зелёное стёклышко

Девочка смотрит на мир через зелёное стёклышко
И видит мир совсем не таким, каким его видят другие.
Девочка робко сеет в землю тёплое зёрнышко
И искренне верит, что взойдут побеги густые.
У девочки платье, ботинки и чистый лист с карандашиком
Она пишет о том, что видит через зелёное стёклышко:
О подвигах, что совершают храбрые мальчики,
О девочках, ждущих мальчиков с бранного полюшка.
Девочка плачет и капают слезы на стёклышко,
На платье, ботинки и исписанный лист с карандашиком...
Слёзы конечно же высушит яркое солнышко,
Лица с запекшейся кровью измажутся сажею...
Кто-то прочтет и поймет, что увидела девочка,
Кто-то пройдет мимо и скажет: «Экая невидаль!»...
Пусть даже исчезнет стёклышко и лист с карандашиком...
Пусть храбрые мальчики непременно вернутся к девочкам!

Фёдоров Сергей Владимирович – родился в 1978 году в г. Астрахань. Окончил истфак АГУ. Как самозанятый оказывает юридические услуги в области налогового права. Поэт, переводчик, автор четырёх книг стихов и переводов. Лауреат международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов. Автор текстов песен, входящих в репертуар солистов Астраханской Государственной Филармонии. Живёт в Астрахани.

Молитва

Читал молитву Магомед в землянке,
Чуть слышно совершал дневной намаз.
И крикнул Васька с позывным «Смуглянка»:
– Эй, Мага, помолись за всех за нас!

Не торопись, браток, клади поклоны,
Прикроем, если что без лишних слов.
А что жужжит, так то совсем не дроны –
Решил побриться кто-то из «орлов».

В тот день молились все, пусть понемногу,
Калмык, татарин, русский и лезгин.
И каждый своему молился Богу,
И каждый понимал, что Бог один.

Враг надвигался яростным цунами
И громко крикнул кто-то из татар:
– Не дрейфь, братва! Аллах сегодня с нами!
Прорвёмся! Урыслар бирешмиляр!*

И русский вторил:
– Ну, ребята, с Богом!
Калмык о чём-то Тенгри* умолял,
В сырой окоп войдя, как в синагогу,
Еврей Шемоне-Эсре* повторял.

И не было «неверных» или «гоев»,
Слились в кулак десятки душ и тел.
А где-то в небесах над полем боя
Единый Бог о воинстве радел.

* *Урыслар бирешмиляр! – (с татарск. «Русские не сдаются»)*
* *Тенгри – верховное божество тюрко-монгольских народов.*
* *Шемоне-Эсре («стояние»)– основная еврейская молитва.*

Алёшка

Зарябинило Русь, замело,
Ржавь укрыло фатой белоснежной,
Покидаю родное село
Я под посвисты оси тележной.

И бежит со слезами за мной
Межеумок соседский, Алёшка,
Гляну строго, подёрну рукой –
Мол, отстань, уходи, баламошка!

Ведь простудишься, дурья башка!
Ну куда ты, сопливый, да босый?
Погляди – там вверху облака
Топчет месяц кобылой белёсой.

А в глазах его тихая грусть
И в груди так мучительно-душно...
Я вернусь, слышишь, скоро вернусь!
Не печалься напрасно, не нужно!

Погляди как красиво вокруг
И, меня покрестив на дорожку,
Возвращайся домой, старый друг,
Возвращайся, мой добрый Алёшка.

Прости меня, комвзвода...

В тёмном тамбуре холодном
Коромыслом сизый дым.
Ты прости меня, комвзвода,
Что остался я живым.

Что сейчас в окно на ёлки
Безразлично я гляжу,
Что не рядом в лесополке
Я с тобой, мой друг, лежу.

Что не в цинке еду к маме
Через брянские леса,
Что не лёг под образами,
Что не с вами – в небеса.

Знать, кому-то нужно было,
Чтобы я вернуться смог.
Чтобы знали: русский – сила!
Чтобы знали: с нами Бог!

И на выцветшем погосте
Сидя на исходе дня
Я опять на третьем тосте
Попрошу – прости меня...

Саласпилс

Чёрный дым, скрывая солнце, вился
Над большой кирпичною трубой,
Пасть открыв, ворота Саласпилса
Завтракали пёстрою толпой.

Было мне тогда всего четыре,
Помню, как высокий рыжий фриц
В сером, отутюженом мундире,
С черепами на сукне петлиц

Показав на чемоданов груду,
И, скрывая рукавом зевок,
Мне сказал: «Давай, не бойся, юде,
Вот сюда бросай свой узелок»

Он стоял на перекрёстке судеб
Как регулировщик на посту,
И решал, кто жить пока что будет,
А кого отправить за черту.

Помню, как сказал, «Шалом Алейхем!»,
Улыбаясь пьяный офицер,
«Кровь твоя нужна солдатам Рейха»,
И качнулся, выронив фужер.

Помню полусгнившую солому,
Трёхэтажных нар нестройный ряд,
Помню, как забрали дядю Шлёму,
И врача-нациста жёсткий взгляд.

Помню трупы у стены сарая
Сложенные штабелем, внавал,
Помню, как убили тётю Раю,
Как Алесь от тифа умирал.

Помню перекличку каждый вечер,
Номера на высохших руках,
Виселиц опущенные плечи
И кусочек солнца в облаках...

...Не забыть, пусть пролетели годы,
Как под Ригой раннею весной
Саласпилс, как пасть открыв ворота,
Завтракал испуганной толпой.

Бондарева Мария Яковлевна – родилась 8 июля в г. Брянске. Журналист-печатник.

Поэт, новеллист, начинающий переводчик. Активный участник и мастер поэтических семинаров в г. Калуга, г. Сергиев Посад, г. Ярославль, г. Мурманск 2024 - 2025 г.г. Обучается онлайн в студии издательства «СТиХИ» на семинарах В. А. Куллэ. Победитель фестивалей-конкурсов.

«Берега дружбы», «ПРОгород», а также им. А.Л. Чижевского. Живёт в Брянске.

Мы, узницы

Мы гибли по пути. Кончались в родах,
Не смея заикнуться о врачах.
Нас по приказу Кенига и Роде
Испепеляли в муфельных печах.

Топили грудничков. Кого постарше,
Травили газом, в камеры послав.
Другие умирали в смертном марше –
Десятки тысяч, шедших в Водзислав.

Голодные и сонные, с мороза,
Мы стадом обезличенных бедняг

Грузились на Даха́у и Гросс-Ро́зен:
Как трубку набивали товарняк.

На ближнего беспомощно глазея,
Усталость и бессилие гоня,
Мы шли покорно к югу, в Тегернзе́е,
Под страхом автоматного огня.

По Золушке гольсшу́е*. Это верно,
Удары гу́мы** как-то вынес бок.
– Избранники фортуны, – скажет Вернет,
– Счастливчики, – добавит Байгльбёк.

Здесь тысячи имён, семей, историй,
Стремлений, планов, помыслов и тайн.
Нас всех сожрал голодный крематорий,
Коль раньше не прикончил Зонненштайн.

За что? Мы не услышали ответов,
Лишь щёлкала карающая плеть.
Мы призраки из Шидлицкого гетто,
В печах Треблѝнки призванные тлеть…

Но сколько бы верёвочке ни виться
И сколько бы ни высился забор,
Забудут пепелища Аушвица,
Освенцим, Бухенвальд и Собибор,

Забудут синтетическую Буну,
Майда́нек, Бе́лжец, Ма́лый Тростене́ц.
Часами разглагольствуя с трибуны,
Не вспомнят о погибших под конец,

О тех, кого списали в Хохенли́хен,
Суставы пересаживать устав…
Мы «розочки», «подушки» и «крольчихи»,
Мы узницы, и кара*** – наш состав!

* *деревянные башмаки для заключенных*
** *резиновая палка со свинцовым сердечником*
*** *здесь: поезд смерти*

Брянский волк (партизанское)

Мотал загривком брянский волк,
Кусали пули, будто блохи,
Но зверь стоял. Назло эпохе.
Когда дела бывают плохи,

Опора – дом, земля и долг.

А штык рубил, резвился всласть,
Дрожали кисти и запястья.
То приступ ярости ли, власти?
Наш брянский волк всё щёлкал пастью,
Покуда кровь не запеклась…

Солдатка

В час последний, отчаянный, смертный
Вижу я: вдоль окопов-полосок
Собирается род мой несметный,
Вечной песни звучит отголосок.

Пусть заменит он мне Трисвятое*,
Пусть укроет травою душистой,
Но не ступят презренной пятою
На священную землю фашисты!

Пусть косая хватает за шею –
Ни минутки ни жаль, ни годочка,
До конца я останусь в траншее.
Я – Отечества славного дочка.

* *погребальная молитва*

Город

Город сгорбился весь. Он томим ожиданьем и жаждой.
Позабыв про привычный баланс обязательств и трат,
Он сидит по домам и дрожит, тихо слушая «Град»,
И надежда далёкая, робкая теплится в каждом:
Будет мама жива, невредимым останется брат.

Город плачет навзрыд. Эти слёзы такого калибра,
Что ломают асфальт, и под вой сумасшедших сирен
Вспоминается май и душистая в парке сирень.
В предрассветном дыму простираются руки из лимба:
Сохрани нас, Господь, всех, кто кроток и духом смире́н.

Город сжался в кольцо. Разрывают сердца на тряпицы
Те, кто в скорбном неведенье вынужден медленно тлеть.

Где-то там, вдалеке, снова щелкает страшная плеть,
Горожанам никак не живется, не ется, не спится.
Сколько зим, сколько лет, сколько лет, сколько зим, сколько лет…

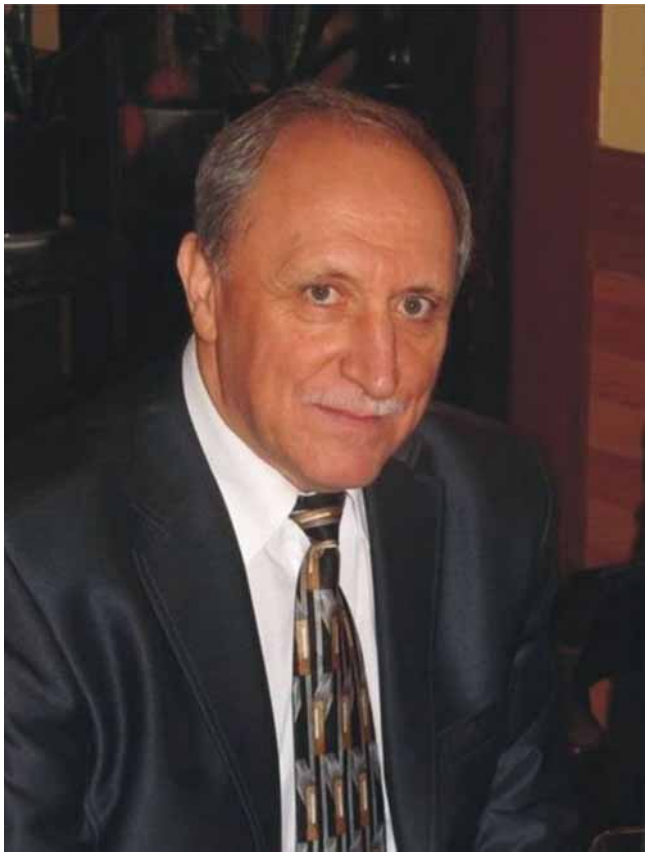
* * *

– Только вернись живой. Обещаешь? – Ладно.
Пальцы сплелись в мольбе, воскурился ладан.
– Боже, храни бойца, его ждёт сынишка.
Я Тебе всё отдам, забирай излишки!

Мир обнимает ночь, горяча, как уголь.
Слепнут глаза от слёз, смотрят в Красный угол.
Сын прибежал босой – услыхал «Торнадо».
– Мамочка, ты не спишь? – Нет, сынок. Так надо.
– Я посижу с тобой, не могу в кровати.

Спят мёртвым сном бойцы на февральской вате,
Только один не спит, хоть зияет рана:
Там, где спасает Бог, не спасёт мембрана…

Хатюшин Валерий Васильевич – родился в 1948 г. в г. Ногинске Московской обл. Служил в ракетных войсках в Сибире. Работал на строительстве газопровода «Север – Центр», строил КамАЗ. Окончил Литературный институт им. Горького. С 1990 года работает в журнале «Молодая гвардия», с 2009 бессменный Главный редактор журнала. Поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, публицист. Автор более тридцати книг и множества острых статей, опубликованных в периодике как в России, так и за рубежом. Живёт в Москве.

Царь-пушка

У нас еще Царь-пушка не стреляла,
У нас еще Царь-колокол не бил!
Феликс Чуев

За века – от начала –
нас никто не сломил.
А Царь-пушка – стреляла.
И Царь-колокол – бил.

Много здесь надломилось
и клыков, и штыков.
Много там истомилось
европейских щенков.

И лохматый зверинец
понаведался к нам.
Правда, русский гостинец
не был им по зубам.

По «Пантерам» и «Тиграм»
били залпы «Катюш» –
их озлобленным играм
отрезвляющий душ.

Для звериной натуры
Русский свет – как снаряд.
…«Леопардные» шкуры
так же ярко горят.

Стал доступней и ближе
им наш звонкий металл.
Долетит до Парижа
нашей веры «Кинжал».

Солнце в небе – сияет.
Сад весною – цветёт.
А Царь-пушка – стреляет.
И Царь-колокол – бьёт.

Орхидеи для Татьяны

Владимир Маяковский в 1928 году, расставаясь в Париже с Татьяной Яковлевой, на гонорар от выступлений заключил договор с цветочной кампанией с условием, что каждую неделю курьер будет доставлять Т.Яковлевой самый красивый букет с орхидеями. Это продолжалось многие годы и после гибели поэта.

Годы сердце тоской заносят,
как последний концерт Чайковского…
Раз в неделю курьер приносит
орхидеи от Маяковского.

И течет безмятежным ходом
жизнь парижская у Татьяны.
После выстрела. Год за годом.
После давней на сердце раны…

Был он этаким сумасбродом,
от ее красоты немея…
Раз в неделю и год за годом:
«От Владимира орхидеи».

В годы смутные, роковые –
вспоминала мгновенья прошлые…
Чтобы выжить, в сороковые –
продавала цветы на площади.

И в стране, нам давно не близкой*,
русской щедростью память грея,
всё ей снился курьер с запиской:
«От Владимира орхидеи».

И не символ любви бессмертной –
этот жест бунтаря московского,
это слёзы тоски безмерной,
орхидеи от Маяковского.

* *США*

Памятники

Да будет воля Твоя
яко на небеси и на земли.
Отче наш

Мы запомним навек отныне
«на земли и на небеси»,
как на сгинувшей Украине
рушат памятники Руси.

Но они прорастают снова
в той земле и в ее крови…
Прыгунам недоступно Слово
высшей истины и любви.

В этом Слове бессмертна память,
как зарыть ее ни тужись.
Память – вечной Победы пламя.
Кровь погибших рождает жизнь.

Свет грядёт – подступают сроки –
и трепещут его врази.
Из крови и корней глубоких
встанут памятники Руси.

Открытие Родины

Ты кровью почуешь, когда
тебе открывается Родина,
коль в душу войдут навсегда
Дивееево, Сергиев, Оптина…

Сподобилось их уберечь…
Бездонно небес милосердие…

Сквозь веру и русскую речь
ты сам прорастаешь в бессмертие.

Запомни – весь путь свой земной
ты к встрече с собою готовишься
за той невозвратной чертой,
когда Человеком становишься.

Лишь вере страшись изменять
в дороге, что сердцем не пройдена,
чтоб смочь в этой жизни понять,
КОГДА начинается Родина.

Война и победа

Да, война – конечно, страх и горе.
Нам ли, русским, забывать о том?..
У вдовы солдатской – мрак во взоре.
Но мрачней и горше – мир с врагом.

Да, война – конечно, боль и слёзы,
и в душе – смертельная пурга…
Что ж, прекрасны миротворцев розы.
Но кровав ехидный смех врага.

Без Победы, как в анестезии,
прозябанье мы влачим своё.
Без неё не будет и России
и не будет русских без неё.

Неизбывны древние заветы,
нам без них врага не сокрушить.
Без войны не может быть Победы.
Без Победы русской – нам не жить.

Лизунов Александр Васильевич – родился в 1950 году в г. Бийск.

Окончил физический факультет Томского государственного университета. Член СПР. Поэт. Дипломант нескольких литературных конкурсов. Лауреат XV литературной премии им. Ф.Ушакова.

В настоящее время занимается целительской практикой. Живёт в деревне Барсуковка Люблинского р-на Омской области.

* * *

Телеэкран вмещает все эмоции
и, кажется, свободный выбор тут,
но лишь приникнешь к Пушкину иль Моцарту,
тебя обратно в чувство приведут,
где на одной волне с рекламой наглою –

ЧП, попса, футбольные голы,
и сотня демонов расталкивает ангелов
на острие останкинской иглы.

Мадонна Мариуполя

– Усни, мой сыночек, закрой свои глазки, дитя,
Спою колыбельную и убаюкаю тя.
В холодном подвале мы, кажется, тысячу лет,
Где ветхим, наверное, стал даже Новый завет.
Осталось одно откровение: не колыбель,
А ящик снарядный и грязная ветошь – постель.
О вышних знамениях нам не узнать в темноте,
Сама нарисую звезду на бетонной плите,
Пусть вспыхнет она и лучами пронзит потолок,
Чтоб свет её к цели дойти каравану помог,
Сигнальным огнём в катакомбах успел показать
Проходы к вертепу, в котором младенец и мать.
Дары принесёт – но не тройка волхвов в этот раз –
А в пыльных своих вещмешках бородатый спецназ,
Но в тыл сообщит медсестра, подключившись к сети:
– Мать выживет, ну а дитя не спасти…
…К рассветному Солнцу уходит Мария одна,
Холодное тельце к груди прижимает она
И как искупленье проносит сиянье своё
Сквозь весь этот город, что именем назван её.

Мы!

С друзьями делились, дразнились, шумели,
уже по-собачьему плавать умели,
и марлей ловили мальков на мели,
в боры уходили под сосны и ели,
картошку в углях запечённую ели,
играли в футбол под дождём и в пыли,
полны были книжками ранцы-портфели,
летали и плавали наши модели –
юнтехников планеры и корабли,
сосульки сосали взамен карамели,
и корью болеть не хотели в постели,
врачей не просили: «Давай, уколи!»,
и смели мы жить без наколок на теле,
без лайков в сетях и рекламы на теле-,

без всей этой тьмы, что проникла в умы,
в столетье, где без году стали недели,
где дружные наши ряды поредели,
но те, кто остался ещё – это МЫ!

Эх вы, кони…

Были греки и янки недаром
гордецами до нынешних дней:
Буцефалы их и Боливары
круче всех знаменитых коней.
А соседи ревнивы, им надо
в конкурентной горячке своей
восхвалять лишь своих Росинантов
благородных гишпанских кровей.
Не объявлены скачки пока,
и на лидеров ставки не биты,
только ржанье Конька-горбунка
слышно с околоземной орбиты.

*** * ***

Я близорук. Я вижу мир нерезко.
Всегда в туманной дымке мои дали.
Зачем очки, коль проявляю редко
внимание к отчётливым деталям.
Загадочные лики в полумасках,
таинственные строки с многоточьем.
Фантазии критическая масса
давно уже дороже мне, чем точность.
И вновь волною к сердцу подберётся,
едва рассудка усыпит охрану,
луны ущербной недоговорённость,
незавершённость облачного храма.
Какие миражи впущу в стихи я,
слепой конспект неочевидных истин,
где волю на Земле даёт стихиям
поссорившийся с Фаустом Мефисто.

Мои долги

Когда остаёшься в долгах, как в шелках, –
Особенно, если надолго, –
Шныряет средь дыр твоего кошелька
Одна – чувства долга – иголка.

С последней заначкой – таи не таи –
Расстаться пора, может статься,
Но белыми нитками шиты твои
Старанья за раз рассчитаться.

Как вышло, что всем и всему задолжал –
И узам семейным, и дружбам,
Кого обижал, кому жить не мешал,
И всем государственным службам?

Уже примиряешься с тем, что они
Имеют на жизнь твою виды,
Но их чувства долга ты трогать – ни-ни!
Свои там долги и кредиты.

А я не скажу, мол, отдал всё что мог,
Ведь главное, в сущности, просто:
Есть только один неоплатный долг –
Спасенье души от банкротства.

Маркиянов Андрей Александрович – родился в Тюмени в 1959 году. Учился в Тобольском Мореходном училище. Служил в армии на БАМе. Стихи начал писать в школе, прозу в армии. Публиковался в известных литературных журналах России, Австралии и Германии. Издано три книги. Победитель Международных конкурсов «Русская победа» и «Молитва». Лауреат Общенациональной литературной премии П.П. Бажова. Живёт в Тюмени.

Сорок первый

Он лежал у окопа,
Вкось прошитый свинцом,
Молодой недотёпа
С конопатым лицом,
Лейтенант скороспелый,
Атеист, патриот,
Деревянное тело,
Окровавленный рот.
Он лежал, как колода,
Бесполезный в бою.
Нет стрелкового взвода,
Все ребята в Раю.
И ему предстояло
Скоро кровью истечь…
В стороне прозвучала
Иноземная речь:
Словно смрадом подуло.
Он нащупал курок,
Взвел. И черное дуло
Огрызнулось в висок.
Полыхнула зарница,
И потухла в мозгу.
В ста верстах от столицы

Он затих на снегу,
Не узнав, как отбили
Этот важный клочок,
Как поспешно зарыли
И воткнули сучок
У развесистой ели,
И пропали в дыму…
Ночью волки пропели
«Аллилуйя» ему.

Вечный покой

Я вчера проходил по заброшенным тропам погоста.
Я смотрел на кресты, на портреты ушедших людей.
У могил никого. А над ними обыденно просто
Сотни галок чернели на кронах седых тополей.

Чуть поодаль над речкой виднелись останки селенья.
От него лишь бугры, да сирень, да бескрайний лопух.
Здесь не слышно давно лунной ночью девичьего пенья.
Здесь не гонит коров к водопою нетрезвый пастух.

Так зачем я вчера очутился на мертвом погосте?
И зачем, как лунатик, бродил - может быть потому,
Что по лету страшней приходить к этим призракам в гости,
И на буйство природы живому смотреть одному.

Неужели затем, чтобы мучиться бренному телу
От сознанья конца, ограниченных временем лет.
И бессвязно текли невеселые мысли к пределу,
А за ним пропадал в пустоту человеческий след.

Я присел у надгробья с эмалевой треснутой рамкой
На железном обломке, который могилу венчал.
Там парнишка стоял в гимнастерке и с орденской планкой.
Я сидел на траве, водку пил за него и молчал.

Значит, так и должно, значит это кому-нибудь нужно.
И зачем мне опять ворошить эту тему в стихах.
Просто пахло весной, просто было тревожно и душно,
И остатки венков шелестели на серых крестах.

Волки

Когда я думаю про детство,
Я вспоминаю отчий дом
И лес за речкой по соседству,
И волчий вой ночами в нем,

И след в снегу от дома к речке,
И потайной под стайку лаз,
И шерсть в крови – от той овечки,
Что мать держала «про запас».

Я вспоминаю, как я вышел
В шубейке старой на крыльцо.
Вокруг луны – над нашей крышей –
Сияло зыбкое кольцо.

Я видел все, как на ладони,
И двор, и лес, и россыпь звезд.
А на уборной, как на троне,
Сидел, не двигаясь, мой пес.

Я тихо свистнул. Он – ни с места.
Я понял все. И закричал.
Но волк не тронулся с насеста,
Лишь подобрался и молчал.

Он не сбежал, он караулил,
Пока орудовал другой.
Я снова крикнул и, как пуля,
Метнулся за ружьем домой.

Но все напрасно – слишком поздно.
Везло заклятому врагу.
Остались лишь луна и звезды,
Да след размашистый в снегу.

Они ушли с добычей дружно –
Она и он. И нечем крыть.
Они ушли. Им было нужно,
Как всем – детей своих кормить

Добавить комментарий

Комментарии